

Фёдор Буслаев

**О влиянии христианства на
славянский язык**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
О влиянии христианства на славянский язык / Фёдор Буслаев – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 209 с.

ISBN 978-5-4241-7026-3

Опыт истории языка по Остромирову евангелию.

ISBN 978-5-4241-7026-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ПЕРІОДЪ

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, теряется сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе насъ къ значенію словъ, освободѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соответственное степені нашего умственнаго образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературою усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всѣмъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу , изъ котораго иногда извлекаеть только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго возрѣніями и смысломъ роднаго языка : ибо языкъ пока живеть въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы ; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкъ , есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бывають создателями новыхъ словъ и оборотовъ , которые однако всѣмъ понятны : они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое гениальное нововведеніе въ языкъ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели приобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода , когда человекъ вполне сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ , событій и предметовъ , понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ , что выражаетъ : названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе , и изъ названія вновь возникали сказаніе или мнѣе ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности чловѣка, и своей изобразительностью пораждало въру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдавленныхъ вѣкахъ върваніе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкѣ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ вѣрваній и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать мифологическимъ, по способу же воззрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи извѣстныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждая живое впечатлѣніе, имъ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы невольно увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сковывалъ развитіе мысли , поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ , выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя угодобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію , живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и не удивляютъ говорящаго своей мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и плѣняетъ другихъ , въ своей простотѣ неразумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи , что вмѣстѣ съ ней является сокровищницею вѣрованій и преданій , имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа,

Въ эпическихъ формахъ, даже и доселѣ удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души , тронутой впечатлѣніемъ вѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью , означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія но сила начальнаго впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ , который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ слова

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія. Родство происхожденія постоянного эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постоянного эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто нагляднаго къ мифологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное: и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од бијела сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото. Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато. Нашъ звукъ з соответствуетъ въ Санскритѣ звуку г, который, какъ и у Славянъ, переходитъ въ энд. з: скр. агам, энд. азѣм, азъ; скр. вагати, энд. вазати, везеть; скр. гима, энд. зѣо, зима; скр. гѣм (гѣ), энд. зѣо, зѣм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ энд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соответствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытче: такъ энд.

гара (гор-ла) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. grû (гл-отать), хотя есть и другой глаголъ гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurgel. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р. вм. л. — Въ энд. зара ближайшая форма къ нашему зла-то, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ энд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суфф. равнозначительны, что видно изъ словъ: выши-на и высо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джѣви-та живѣ-тъ и джѣв-ана, чеш. živ-ена. Можетъ быть злато въ его энд. формѣ: зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтить, откуда срб. зрак, зрака солнечный лучъ. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соответствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, ерд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulþ, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltonas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. зльчь, зьльчь (слѣд. желтый, чеш. žlutý = златый) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарвчіяхъ эпитетъ золоту: красное: въ Эддѣ *gull gaut*, въ *Nibelung. geben rotez golt*, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень *суш* значитъ только *agescere, siccari*: но, утраченное въ глаголъ, первобытное, мифологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: *сушма* (-ма суф., корень *суш*) въ смыслъ *sol, ignis, lumen, splendor, vis, calor*. Слѣд. сухой, въ его мифологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца; какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соответствуетъ другой эпитетъ въ сръб. пѣсняхъ: чистим серебромъ и *жежемъ* златомъ, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: *раджата*, откуда лат. *argentum*, гр. *ἀργυρος*, подобно Санскриту раздѣляющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: *ἀργός* свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ воззрѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: *бистар* значитъ *klar, limpidus*, и *бистрина* *klarheit, limpidus*, такъ и у Гомера *χρῆς ἀργοί* не только бѣлыя

еобакн, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтъ соединяется представленіе о быстромъ впечатлѣніи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро; въ О. Е. сребро; лит. sidábras; лтш. sudgrabs, др. пр. sigablan (въ косв. пад.), гот. silubr — мнѣнія различны: Юнгманъ; слѣдующа Потту, сближаетъ его съ скр. субра splendidus; albus; отъ суб splendere; Миклошичъ; слѣдующа Бенфею; разлагаетъ его на два слова: скр. свѣта бѣлый и абрас золото. Оба мнѣнія сходятся по крайней мѣрѣ въ томъ; что понятіе о близости заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянуто. **)

Понятіе о свѣтъ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоценнаго камня: въ О. Е. бисеръ μαργαρίτης. Добровскій замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: peregrina vox est. ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкѣ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соответствуетъ грецизмъ: μαργαρίτης. Наше бисеръ употреблялось въ Санскритѣ въ формѣ прилагательнаго б'асура lucidus, splendidus, б'асвара luminosus, отъ глаг. б'ас, или съ краткимъ а:

*) Другое объясненіе см. въ Zeitscht. f. d. Wissensch. d. Sprach. herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) Etym. Forsch. 2, 414.

***) inst. l. sl. 295.

бас *lucere, splendere*; слѣд. скр. эпитетъ сохранился у насъ въ названіи предмета. Потому-то понятіе о свѣтѣ и сіяніи постоянно соединяютъ наши старинные писатели съ словомъ бисеръ: „въ невѣрныхъ чело-
 ловѣцѣхъ *свѣтъ* ся аки бисеръ *) въ камѣ“, говоритъ Несторъ объ Ольгѣ, Лавр. 29. — Въ одной миеологической сербской пѣснѣ (Вук. Ст. Кар. I ; № 226) Вила строить : „једна врата сва од злата ,
 „друга врата од бисера.“ Въ Словарѣ 1282 бисеръ приченъ къ словамъ жидовскимъ, т. е. иностраннымъ, съ объясненіемъ: камень чѣстѣнъ, Кал. I. Е. Б. 194.

Въ названіяхъ миеологическихъ эпитетъ достигаетъ высшаго значенія. Понятіе о свѣтѣ глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ началь-
 ною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Русалка черезъ форму рус-ло, ведетъ свое происхожде-
 ніе отъ слова: русый, распространившагося не только на сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus* **) краснѣй, ры-
 жій, но и на югъ, такъ что у сербовъ руса постано-
 вленный эпитетъ головы: „и русу му осижече главу.“

*) Рейзъ, не взявъ въ расчетъ древняго и слѣдовательно настоящаго значенія слова бисеръ, объясняетъ его по теперешнему значенію арабскій: *bouzer, bouzga—gain de verre*.

**) Бутковъ ограничиваетъ названіе Русы финскимъ происхожденіемъ, см. о Финск. слов. въ V части Труд. Рос. Ак. 1842.

Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на *potoku Rusawě*, но и въ келт. *rus, gos* озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкъ Ведъ, находимъ русат *gucilans*, глаголъ же русъ остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи *ferire, occidere*, съ перемѣною же небнаго с въ ч, перешель въ руч *lucere, splendere*.—Сначала покажемъ связь огня съ водою въ языкъ, и потомъ въ повѣрїяхъ.

а) По скр. *pât'a* вода, *pât'is* море, (гр. *πόταμος, πόντος*;) и вмѣстѣ огонь, солнце: первое значеніе обыкновенно производятъ отъ *pâ* пить, а второе отъ *pâ* *servare, sustentare*. Въ др. нѣм. названія источниковъ также стоятъ въ связи съ огнемъ: *gruppen* отъ *grüpan* *ardere, sôt* отъ *siodan* *fervere*; точно такъ, какъ др. нѣм. *velle fluxus* относится къ *vallan* *fervere*, и *sual subfrigidus* къ *suëlan* *ardere*: такъ и скр. *vâri* вода къ нашимъ варъ (вообще жаръ), варити, врѣти; и чух. *wari aestas*: такъ что время точно также происходитъ отъ врѣти, и означаетъ сначала жаркое время года и потомъ вообще время, какъ лат. *tempus* отъ скр. *tap*, откуда наше топ-ить, лат. *ter-eo*. У Индійцевъ время происходитъ отъ дождя: скр. варша дождь и абда дающій дождь (т. е. облако), собственно дождливое время года, а потомъ и время или годъ вообще. У Нѣмцевъ время и годъ происходятъ отъ холода: изъ слѣдующихъ сличеній увидимъ, что Нѣмцы жили въ климатъ болѣе холодномъ, нежели Славяне. Зима въ О. Е. не только *χειμών*, но и *ψυχος*, Иоанъ 18, 18 яко